

(Мне Лейбниц не раскрыл, какой стезей не зримой
В сей лучший из миров, в порядок нерушимый
Врывается разлад, извечный хаос бед,
Ведя живую скорбь пустой мечте вослед;
Зачем невинному, сродненному с виновным,
Склоняться перед злом, всеобщим и верховным).

(Пер А Кочеткова)

Вольтер покорно принимает свое незнание:

Que peut donc de l'esprit la plus vaste étendue?
Rien: le livre du sort se ferme à notre vue.

(Приподнят ли покров великими умами?
Нет: книга жребия закрыта перед нами).

(Пер А Кочеткова)

В гораздо более известном произведении, отмеченном более яркими литературными достоинствами, Вольтер значительно расширяет рамки дискуссии о теологическом обосновании веры в прогресс, свойственной его современникам. Речь идет о появившейся в 1759 году повести «Кандид, или Оптимизм». Кандид и его учитель Панглос странствуют по свету и оказываются в числе свидетелей землетрясения в Лиссабоне. Панглос утешает переживших это ужасное бедствие, «en les assurant que les choses ne pouvaient être autrement: „Car, dit-il, tout ceci est ce qu'il y a de mieux; car s'il y a un volcan à Lisbonne, il ne pouvait être ailleurs; car il est impossible que les choses ne soient pas où elles sont; car tout est bien“» («уверая, что иначе и не могло быть: „Потому что, — говорил он, — все к лучшему; ибо если вулкан находится в Лиссабоне, то он и не может быть в другом месте; ибо невозможно, чтоб вещи были не там, где они есть; ибо все хорошо“»¹⁹)

Тот факт, что проблема теодицеи была фундаментальной для интеллектуального дискурса этого времени, Вольтер демонстрирует, помещая в опубликованном несколькими годами позже «Dictionnaire philosophique» (1764) статью «Bien (Tout est)» («(Всё) Благо»).

Сразу же получившая широкую известность поэма Вольтера нашла отклик в России.²⁰ В 1763 году вышел ее русский перевод, выполненный Ипполитом Богдановичем (1744–1803), будущим автором «Душеньки» — одного из самых поэтических произведений XVIII века. Русский переводчик сократил поэму Вольтера на 32 строки, но не в ущерб содержанию, а исключительно путем упрощения вольтеровских формулировок. Авторское вступление в переводе отсутствует, видимо, из-за того, что вольтеровское вольнодумство выражено здесь особенно явно. Кроме того, в русском названии «Поэма на разрушение Лиссабона»²¹ опущен весьма важный

¹⁹ *Вольтер* / Философские повести / Пер Ф Сологуба М., 1954 С 110

²⁰ В 1760–1780 гг. Россию буквально наводнили переводы Вольтера. См. История русской переводной художественной литературы Древняя Русь XVIII век / Под ред. Ю. Д. Левина Т. I Проза СПб., 1995 С 164, *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер XVIII—первая треть XIX века Л., 1978

²¹ Перевод И. Богдановича «Поэма на разрушение Лиссабона» появился в журнале «Невинное упражнение» (1763, № 4), а также в его книге «Лиры, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов, некоторого муз. любителя» СПб., 1773